

△ РЕКА

△ 江

Река в Мацяо произносится *ган* (стандартное чтение — *цзян*), реками здесь называют любые потоки воды, в том числе мелкие ручейки и каналы. Схожим образом на севере иероглиф *хай* «море» используется еще и для обозначения озер с прудами, что приводит южан в полнейшее недоумение. Вероятно, люди сравнительно недавно начали обращать внимание на размер окружающих объектов.

Разница между английскими словами *river* (река) и *stream* (ручей) определяется размерами русла. Но в соседней Франции под *fleuve* подразумеваются реки, которые впадают в океан, а *riviere* — это либо притоки, либо реки внутреннего стока, так что различие между *fleuve* и *riviere* отнюдь не в размерах. Очевидно, что одни и те же объекты по всему миру наделяются разными именами, не имеющими прямых соответствий друг другу.

Позднее жители Мацяо тоже стали разделять реки по размеру, но это разделение едва ли представлялось им существенным, поскольку отразилось оно лишь в тональном рисунке соответствующих слов. Произнесенный высоким и ровным тоном, слог *ган* указывает на большую реку, а во входящем тоне¹ обозначает канаву или ручей, и чужакам требуется немало времени, чтобы перестать путать эти два слова на слух. Вскоре после прибытия в Мацяо такое недо-

¹ Входящий тон — один из тонов, отсутствующих в нормативном китайском языке, но сохранившийся во многих юго-восточных диалектах. Слог, произнесенный входящим тоном, заканчивается конечным взрывным согласным или гортанной смычкой. *Здесь и далее — примеч. перев.*

разумение случилось и со мной: спросив у деревенских дорогу к реке, я радостно отправился на поиски. Но открывшаяся моим глазам шумливая речка оказалась такой узенькой, что с одного ее берега можно было запросто шагнуть на другой. Дно ее поросло темными водорослями, в воде то и дело мелькали змеи — купаться или плавать в такой реке было совершенно невозможно.

Река во входящем тоне — совсем не то, что в ровном. Я шагал вдоль этой реки, погружаясь то в шум воды, то в тишину, то снова в шум, и тело мое распалось на части и снова собиралось воедино. Старый пастух, встретившийся мне по дороге, сказал: не смотри, что речка маленькая, вода в ней раньше была до того густая — подожжешь, а она горит, хоть лампы заправляй.

△ РЕКА ЛО

△ 罗江

Воды Мацяо впадают в реку Ло, до нее от деревни несколько часов ходу. Переправляются через реку на небольшой лодчонке, если лодочника нет на месте, пассажиры берут весло и сами гребут на тот берег. В обычное же время плата за переправу — пять фэней¹ с брата: причалив, лодочник покрепче втыкает весло в песок, сходит на берег и собирает деньги. Отсчитывая сдачу, непременно слюнявит палец.

Собрав все деньги в стопку, лодочник прячет ее в старой сумонной фуражке и покрепче надвигает фуражку на лоб.

Переправа стоит одинаково и зимой, и летом. Хотя летом река разливается шире, и течение летом быстрее. А если слу-

¹ Фэнь — самая мелкая денежная единица, равная сотой части юаня.

чается паводок, река поднимается над берегами громадной желтой волной, такой мутной, что в ней теряются любые отражения, и выбрасывает на сушу груды мусора, а в тихих заводях на мелководе оставляет целые залежи кислой пены. Но деревенские все равно толпой высыпают на берег, надеясь выловить из воды что-нибудь ценное: дохлую курицу, утонувшего поросенка, колченогий стол, старое корыто, сломанную доску или бамбуковую жердь. Все имущество, добытое из реки, называют «гостинцами с потопа».

Конечно, случается и такое, что из мутной воды вдруг вынырнет распухшее тело женщины или ребенка, похожее на огромный белый мешок, и вперится в тебя застывшими глазами — тогда народ на берегу с визгом разбегается кто куда.

А пащенята посмелее берут длинный бамбуковый шест и шутки ради тычут им в распухшую белую плоть.

Еще жители прибрежных деревень ловят в реке рыбу, одни промышляют сетями, другие удочкой. Однажды на спуске к реке несколько женщин, шагавших впереди меня, вдруг завизжали и кинулись врассыпную, будто встретили черта. Я присмотрелся и увидел, что все мужчины на берегу побросали свои коромысла, побросали коров, которых вели на водопой, разделись донага и с громкими криками прыгнули в воду. Только тут я сообразил, что раздавшийся минуту назад глухой хлопок был взрывом петарды. Значит, на реке кто-то глушит рыбу, и деревенские мужики полезли в воду за уловом. Разделись, чтобы не замочить портки, и даже не подумали, что полтора десятка голых задниц в воде могут кого-то напугать.

За шесть лет, проведенных в Мацяо, мне нечасто доводилось иметь дело с рекой Лю — несколько раз я переправлялся через нее на лодке, когда добирался до уездного центра своим ходом. Если уж говорить о переправе, пять фэней по тем временам были солидной суммой. В карманах у нас всегда гулял ветер, и когда в лодку садилось несколько парней

из «образованной молодежи»¹, лодочник рисковал остаться с пустыми руками, совсем как во времена японской оккупации. Был у нас один парень по кличке Черный Барич, он в подобных случаях проявлял настоящий героизм. Однажды в конце переправы Барич с видом подпольщика, который жертвует собой, спасая товарищей, подмигнул нам: дескать, идите вперед, а я за всех заплачу. После чего принялся хлопать себя по карманам в поисках мелочи, а когда мы отошли подальше, скорчил злую рожу и сообщил лодочнику, что денег у него нет, а и были бы — так не отдал бы. И что ты мне сделаешь, старый пес? Сказал так и припустился бежать.

Барич хорошо играл в баскетбол и думал, что лодочник ни за что его не догонит. Но оказалось, тот никуда не спешил — закинув весло на плечо, старик трусил за нами по тропе, и хотя мы бежали быстрее, оставляя его все дальше и дальше позади, лодочник вовсе не собирался останавливаться, он гнался за нами одну ли², две ли, три ли, четыре ли... Ноги у нас уже заплетались, на губах пузырилась слюна, но черная точка на горизонте никуда не исчезала. Мы поняли, что ради трех цзяо с мелочью³ лодочник готов бежать со своим веслом хоть до края неба, и остановить его может только смерть. Соображал старик туго — он даже не подумал, что терпит куда больший убыток, бросив на берегу лодку с целой толпой пассажиров.

Бежать было некуда, и мы без лишних разговоров скинулись по пять фэней и отправили Черного Барича платить за переправу. Старик даже отсчитал нам сдачу, издали я видел, как он что-то выговаривает Баричу, широко разевая рот.

¹ «Образованной молодежью» называли городских школьников старших классов, выпускников школ и студентов, которые принудительно или добровольно отправлялись в деревню на бессрочное «перевоспитание под руководством бедняков и низших слоев середняков».

² Ли — мера длины, около 500 метров.

³ Цзяо (мао) — одна десятая юаня.

Скорее всего, лодочник бранился, но в налетевшем порыве ветра я не слышал ни слова.

Больше я того старика не встречал. Скоро до Мацяо докатилась кампания по выявлению скрытых контрреволюционеров, и все силы начальства были брошены на поиски нашего пистолета. Пистолет попал к нам еще в городе, мы изыали его при обыске во имя «великой пролетарской культурной революции», патроны давно расстреляли, но выбрасывать его не хотелось, и пистолет тайком поехал с нами в деревню. Когда началась кампания, мы испугались, что рано или поздно попадем под обвинение, и во время очередной переправы Черный Барич выбросил пистолет в реку, а мы пообещали друг другу до конца жизни держать случившееся в тайне. Не знаю, кто рассказал начальству о нашем пистолете. И почему мы были такими наивными: решили, что выбросим пистолет и разом снимем с себя все подозрения. Мы не знали, что начальству потребуется во что бы то ни стало изыять у нас этот пистолет, без него дело было невозможно закрыть — наоборот, наверху подозревали, что мы продолжаем прятать оружие, преследуя свои тайные цели. Таскаясь на бесконечные допросы и разбирательства, мы кое-как дождались зимы, когда вода в реке Ло отступила, обнажив широкие песчаные отмели. Мы взяли грабли, пришли на то место, где должен был лежать пистолет, и принялись сантиметр за сантиметром пропахивать русло, мечтая достать из песка доказательство нашей невиновности. Мы искали пистолет целых пять дней, мы изрыли граблями все русло, под ледяным ветром мы вспахали без малого десять тысяч циннов¹ целины для народной коммуны, но так и не услышали заветного лязга под граблями.

Пистолет был такой тяжелый, что его не могло унести течением, ни одной рыбе было не под силу его проглотить,

¹ Цин — мера площади, около 6 гектаров.

и едва ли кто-то до нас успел выудить его со дна. Оставалось гадать, куда он подевался.

У меня есть только одно объяснение: эта чужая река по какой-то неясной причине вздумала упечь нас за решетку.

Лишь тогда мы поняли, как много тайн скрывает река Ло, и тогда же впервые как следует на нее посмотрели. Облаченная в доспехи из первого снега, она слепила глаза белыми бликами, словно застывшая вспышка молнии. Цепочка неглубоких следов на отмели вспугнула чаек, и они беспокойно закружили над рекой, то теряясь из виду и соскальзывая в льдистую белизну, то снова появляясь перед глазами там, где я совсем не ожидал их увидеть, прошивая белыми стежками узкую ленту темно-зеленой воды. Из моих глаз, обожженных светом застывшей молнии, сами собой покатались слезы.

Переправа стояла пустой. Вместо знакомого нам старика там дежурил лодочник помоложе, он опустил на корточки, посидел немного, отогревая руки в рукавах, а потом ушел.

Я резко обернулся, но берег был по-прежнему пуст.

△ ЮЖАКІ (здесь же: ЮЖАКІ ИЗ РОДА ЛО)

△ 蛮子 (以及罗家蛮)

В нормативном китайском языке для обозначения взрослого мужчины используется слово *ханьцзы* — «мужик». Но жителям Мацяо привычнее называть мужчин *маньцзы* — «южак», *маньжэнь* — «югач» или *маньжэнь саньцзя* — «югач-три двора». Откуда взялись «три двора», история умалчивает. Древние говорили: «Пусть даже в Чу останется только три семьи, но с Цинь покончит именно Чу!»¹, однако под «тремя

¹ Сыма Цянь. Исторические записки, II, 7. Перевод Р. Вяткина и В. Таскина.

семьями» в этом изречении подразумевались вовсе не только мужчины.

Слово «югач-три-двора» возлагает на мужчину миссию трех семей сразу — возможно, такие обращения были распространены в древности в чуских землях¹, но установить это доподлинно уже не представляется возможным. Когда-то мне пришел в голову такой образ: в жилах каждого человека течет кровь двух его родителей, четырех прародителей, восьми прапрародителей... На верхних ветвях генеалогического древа число наших предков умножается в геометрической прогрессии, и если оглянуться всего на несколько десятков поколений назад, у огромной семьи человечества обнаружился общий предок. После простых подсчетов крылатое выражение «Среди четырех морей — все люди братья»² кажется отнюдь не преувеличением, а установленным биологическим фактом. С теоретической точки зрения, каждый человек является потомком всего человечества, в каждом из нас собраны общие гены, которые поколениями передавались от предков к потомкам. Так можно ли сказать, что один человек — это только один человек? Один человек и не более того? В какой-то из своих статей я писал о несовершенстве понятия «личность»: каждый из нас — еще и «вселичность». Если понимать иероглиф «три» из оборота «три двора» в его традиционном значении, как синоним слова «много», то «югач-три-двора» — почти то же самое, что «вселичность», это слово показывает, что за каждым из нас стоит целая совокупность людей, и тем самым подтверждает мою гипотезу.

Иероглиф *мань* «южак» более всего распространен на юге Китая, долгое время так называли представителей всех юж-

¹ Царство Чу в древности было одним из гегемонов Поднебесной, к VI веку до н.э. покорило все земли центральной и восточной части бассейна реки Янцзы. В 223 году до н.э. пало под натиском царства Цинь.

² Цитата из «Суждений и бесед», сборника изречений Конфуция.

ных народностей. Исторические хроники сообщают о неко-
ем царстве Ло, существовавшем в период Весен и Осеней
(ок. 700 года до н.э.) и населенном «южаками из рода Ло».
Первое упоминание об этом царстве встречается в коммента-
рии «Цзо-чжуань»¹: «На двенадцатый год правления луско-
го Хуань-гуна (699 год до н.э.) войска Чу, разделившись, пе-
решли реку Пэн, но были отброшены лосцами». В то время
лосцы проживали на юго-западе современного уезда Ичэн
провинции Хубэй, по соседству с царством Ба², впоследст-
вии отстроенный ими город стал известен как Лочуань, он
упоминается в двадцать восьмой цзюани «Комментария
к канону водных путей»³. Река Пэн служила естественным
барьером, который защищал царство Ло от воинственных
северных соседей, поэтому лосцы и пошли в наступление,
когда войско чусцев устроило переправу через Пэн, и даже
одержали победу. Но царство Ло располагало значительно
меньшими силами, что и предрекло исход дальнейших сра-
жений. Согласно комментарию «Цзо-чжуань», после пора-
жения от Чу лосцы дважды переселялись на юг, сначала они
осели на территории современного уезда Чжицзян, кото-
рый считается прародиной басцев. Второе переселение слу-
чилось спустя еще двадцать лет, в годы правления чуского
Вэнь-вана, тогда лосцы прошли еще дальше на юг и осели
на севере нынешней Хунани, на территории уездов Юэян,
Пинцзян и Сянинь.

И река Ло получила название от народа ло, заселившего
ее берега.

¹ «Цзо-чжуань» — комментарий к «Хронике Вёсен и Осеней», повествование
в «Цзо-чжуань» охватывает период с 722 по 468 год до н. э.

² Царство Ба существовало в период с 1122 г до н.э по 316 г. до н.э., располагалось
на территории нынешней провинции Сычуань. Как и царство Чу, пало под
натиском Цинь.

³ «Комментарий к канону водных путей» — древнекитайский трактат по гео-
графии, начало VI века н.э.

Едва ли мы можем представить, как лосцы преодолели этот долгий путь, обремененные стариками и малыми детьми. Из исторических хроник мы знаем, что на новом месте они снова отстроили город и назвали его Лочэн, но к настоящему времени этот город бесследно исчез. Мне представляется, что поселок Чанлэ на берегу реки Ло и есть бывший Лочэн, тем более что в местном говоре иероглифы *лэ* и *ло* произносятся одинаково. Чанлэ — небольшой поселок, приютившийся на берегу реки Ло, обязательный пункт моего маршрута по дороге в горы за хворостом. Через весь поселок тянется гранитная мостовая, и сладкий запах наливки вперемешку со стуком деревянных сандалий стекает по гранитным плитам к причалу, где всегдалюдно и сыро, а двери и ставни в иных домах наглухо затворены, будто там давно никто не живет. Местные говорили, что пристань в Чанлэ стоит на железных колоннах, покрытых древними письменами, их можно увидеть, когда отступает вода. В то время я еще не интересовался старинной, поэтому так и не посмотрел на загадочные колонны. В поселок я приходил уставшим до темноты в глазах, выпивал чашку настойки, ложился прямо на улице и на несколько минут засыпал — набирался сил для следующего перехода. Много раз я просыпался от холода, продрогнув на зимнем ветру, разлеплял веки и в сплошной черноте видел только, как наверху качаются редкие звезды — еще немного, и упадут.

Если окажется, что Чанлэ не имеет отношения к исчезнувшему Лочэну, исследователям стоит обратить внимание на поселки Лопу, Лошань, Баоло и Тунлодун: в их названиях тоже есть иероглифы с чтением *ло*. В каждом из этих поселков я когда-то бывал, до сих пор явственно помню старинные стены, каменные плиты и ступени, а еще — настороженность затворников, то и дело сквозившую в глазах местных жителей.

Лосцы поддерживали тесные связи с подданными царства Ба. Старинные народные песни в этих местах до сих пор называют «песнями ба». А в низовьях реки Ло расположен «город Балин» то есть нынешний Юэян. В 493-й цзюани «Истории династии Сун» говорится, что на третий год царствования императора Чжэ-цзун под девизом Юань-ю (1088 год н.э.) «южаки из рода Ло» одно время «чинили погромы» и только вождь туцзя смог их усмирить. Отсюда видно, что между туцзя и лосцами существовали тесные связи, при этом все историки сходятся на том, что народ туцзя — прямой наследник басцев. Приведу еще одно любопытное свидетельство: в легендах туцзя нередко встречаются сюжеты о «братцах и сестрицах из рода Ло», которые доказывают, что лосцы тесно контактировали с предками современных туцзя.

Но вот что странно: по берегам реки Ло я не нашел ни одного поселка с иероглифом ло в названии и почти не встречал людей, носивших фамилию Ло. Могу припомнить разве что бывшего старосту Мацяо — происходил он из батраков и был чистой воды приезжим. Воображение невольно рисует картины беспощадной расправы, ужасного кровопролития, о котором нам неоткуда узнать, которое мы едва ли можем себе представить, в результате которого иероглиф ло оказался здесь под запретом, а людям из рода Ло пришлось прятаться под чужими именами и скрывать свое прошлое. А может быть, они бежали в чужие края, собирая подаяние и ночуя под открытым небом, как это описывают иные историки. Лосцы ушли на юг и осели где-нибудь на западе современной Хунани, в Гуйчжоу, Гуанси, Юньнани, среди крутых хребтов Юго-Восточной Азии, чтобы никогда не вернуться назад. С той поры река Ло носит имя, которое ничего больше не обозначает, оно превратилось в пустой звук, в онемевший рот, источающий лишь беспредельную тишину. И даже если мы вскрыем склеп, где этот рот был замурован, нам никогда не услышать его последних слов.

В действительности государство лосцев давно и навеки исчезло с лица земли, оставив по себе лишь бронзовые побрякушки, рассыпающиеся в прах при первом прикосновении. Раскапывая целину, я то и дело доставал из земли крошечные бронзовые наконечники для стрел и копий, размерами они заметно уступали образцам, виденным мною в книгах, значит, металл в те времена был еще большой редкостью, и использовали его очень экономно. Бронзовые находки никого в Мацяо не удивляли, местные давно на них насмотрелись и выбрасывали на край поля, как обычный мусор, а пащенята набивали такими наконечниками полные корзины и бежали играть в войнушку. Позже, разглядывая в музеях бронзовые артефакты, размещенные под толстыми защитными стеклами, я всегда чувствовал себя надутым. Что это за финтифлюшки? Вот в Мацяо куда ни шагни, обязательно наступишь на какую-нибудь штуковину доханьского времени¹ — под ногами у нас так и хрустело, даже представить не могу, сколько ценных реликвий мы тогда растоптали.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ ▲

三月三 ▲

Каждый год третьего числа третьего лунного месяца жители Мацяо едят черный рис, окрашенный соком специальной травы, и рты после такого угощения становятся чернее черного. В этот же день мацяосцы все как один принимают точить ножи — горы оглашает пронзительный визг точильных камней, и даже листва на деревьях дрожит от ужаса. Точат

¹ То есть до III века до н. э.